

Сергей Николаенко

Национально-культурное наследие как фактор социокультурного развития учащихся при обучении языку

Prace Językoznawcze 18/1, 111-119

2016

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Сергей Николаенко

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь

e-mail: ns-lk@mail.ru

Национально-культурное наследие как фактор социокультурного развития учащихся при обучении языку

Naming practices an Belarusian urbanonymy: new directions in research

The analysis presents sociolinguistic research into the value system of the young generation in Belarus.

Ключевые слова: лингвокультурология, язык, культура, национальная картина мира, символ, ключевые слова культуры, история

Key words: cultural linguistics, language, culture, national picture of the world, symbol, keywords in culture, history

Изучение языка через понимание национальной, а также мировой культуры имеет ориентир на анализ этнокультурных языковых и речевых особенностей, которые закреплены той или иной нацией. Сторонник неогумбольдтианского направления в языкознании немецкий лингвист Л. Вайсгербер писал о языке как о «междумире», в котором названия (или, по Л. Вайсгерберу, этикетки к предметам) представляют ту реальность между, что сообщает о видимом на этих самых этикетках: «Каждый язык в его содержаниях обладает присущим ему космосом понятий и мыслительных форм» (Вайсгербер 1993: 117). В силу этого различные знаки языка в когнитивном сознании его носителей и оставляют за собой право быть знаками культуры, выполняющими почти все языковые функции и презентующие их. А это значит, что за языком остается отображательная способность культурно-национальной ментальности.

Имеющиеся достижения в лингвокультурологии позволяют заявить об изменении лингвометодического сознания, т.е. системы сложившихся стереотипов и взглядов на русский язык и способы его преподавания. Нас интересует именно методический аспект проблемы. Сейчас уже ряд ученых,

в том числе и белорусских (С.Г. Воркачѳв, А. Вежбицкая, Н.А. Красавский, В.А. Маслова, Л.А. Мурина, Ю.Е. Прохоров, В.Н. Телия, Л.А. Худенко и др.), подчеркивают особую значимость лингвокультурологических исследований для практики преподавания русского и иностранных языков.

Большое количество лингвокультурологических научных источников, различных подходов, предлагаемых учеными по определению взаимодействия языка и культуры, наметили несколько направлений в лингвистических исследованиях. И один из подходов – национально-культурный, – на наш взгляд, должен стать базовыми в методике социокультурного развития учащихся в процессе изучения русского языка. В ходе анализа литературы обозначим теоретические предпосылки, которые заложены в основе национально-культурного компонента.

1. В языке «хранится» национальная культура. В этом положении наиболее важным является тот факт, что язык не просто хранилище многовековых традиций, представлений, быта и т. п. Тем самым занимая главенствующее положение в национальной культуре, он, выполняя свою коммуникативную функцию, является и передатчиком этой самой культуры через эпохи и поколения. Объединяющая и разделяющая людей одной национальности и одной культуры – такая языковая модель имеет огромное значение в идентификации нации, расставляет нравственные приоритеты и служит социальным инструментом для обеспечения стабильности общества. Когда каждая структурная часть в такой модели начинает работать самостоятельно, тогда и происходят социальные войны, где в первооснове – языковой вопрос. И тогда уже становится неважным, к какой культуре ты принадлежишь, кто является твоими кумирами, духовными руководителями, каковы твои нравственные законы.

2. Язык относителен, но в нем присутствует отражательная функция. Во все времена своеобразие окружающего мира и его элементов любой народ видел с позиций собственных представлений о первосущностях, отношениях с высшими силами, справедливости. И к этому всему складывалась из этих частей целостная картина миропонимания и этических взаимоотношений в социуме. Поэтому В. фон Гумбольдт говорил о языке как о мире, лежащем между миром внешних явлений и внутренним миром человека (Гумбольдт 1985). Такой подход разделяли и продолжали исследовать Э. Сепир и Б. Уорф, различные школы неогумбольдианцев. В частности, автор гипотезы лингвистической относительности Б.Л. Уорф писал: «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим языком... мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» (Уорф 1960: 174). Однако эту гипотезу

разделяют не все ученые. Отрицательно ее оценивают лингвисты Г.В. Колшанский, Б.А. Серебренников, Р.М. Фрумкина. Все аргументы этих ученых приписывают языку не первичную, давящую над миром и творящую его функцию, а в своем развитии рассматривают этот инструмент в качестве результата отражения человеком окружающего мира.

3. Универсальность и специфичность языковой картины мира. За свою историю народы сформировали свои национальные картины мира. И на самом деле, специфичность представлений об уникальности своей нации и своего языка заключается в том, что, опредмечивая социальный опыт, каждый народ вместе с тем опредмечивает и свою индивидуальность, и средства вербального и невербального, и этническую самоидентификацию. Именно об этом писал М. Хайдеггер: «Картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина» (Хайдеггер 1991: 103). Весь комплекс стереотипов при этом, складывающийся из фреймов, сценариев, планов, схем, гештальдов, и создает картину мира с ее элементами окружающей действительности. Причем здесь очень важен характер национального языкового сознания, осмысленный жизненным и творческим опытом на основе оценочных шкал и признаков, которые имеют языковое воплощение реальности. Ряд причин (социальные, этнопсихологические, культурные и природные) также обуславливают свои национально детерминированные способы представления этих самых объектов действительности. Приведем примеры, которые помогут показать, как универсалии сознания видоизменяются в разных языках. В русских пословицах, связанных со смехом, последний чаще осуждается, чем поощряется (*смехом сыт не будешь, смех до добра не доведет, и смех и грех* и т. п.). Как показали научные исследования (в частности А. Вежицкой) в русской культуре очень активно функционирует слово «правда». Например, говорят: лелеять правду, любить правду, бросать правду-матку в лицо. Значительно более сдержанно эта лексема проявляет себя в англо-саксонской культуре: трудно представить себе англичанина, режущего правду-матку. Кроме того, в русском языке, в отличие от западноевропейских, еще существует слово «истина», закрепились сочетания истинная правда, подлинная правда. Все это говорит об особом отношении русского народа к понятиям правда/ложь. Можно много говорить на эту тему, начиная с крестьянского столетнего взгляда, что своего обмануть нельзя, а барина – можно, но факт внутренне очень серьезного отношения русских к правде очевиден, и язык, как ничто иное, доказывает этот факт. Поэтому универсальность и специфичность подобные лексемы и приобретают в разных национально-культурных сообществах.

4. Многогранность наивных представлений о мире. Наивная и научная картины мира имеют много принципиальных подходов к обозначению роли когнитивных процессов и их влияния на познание окружающей действительности человеком. Это все же не умаляет значения наивных представлений об эмоционально-волевой сфере личности, о ее отношении со своим внутренним миром и влиянии социумных реалий на поведение, взаимоотношения с другими. Наивный взгляд интегрирует как раз опыт поколений, тем самым обеспечивая себе многогранность, интерес и сложность своей парадигмы. Подтверждает это и В.А. Маслова: «Необозримые пространства, время, трудовую и интеллектуальную деятельность, бурю своих чувств и эмоций человек измеряет через себя самого (насколько хватает глаз, каша в голове, не покладая рук, сердце переполняется и т.д.), принимая все в себя и распространяя себя на окружающий мир. Следовательно, речь идет о собственно человеческом отражении объективной действительности» (Маслова 2014: 171–172).

5. Символы культуры. Современные исследователи взаимодействия языка и культуры выделяют несколько подходов такой интеграции. Так, имеющиеся и переданные из поколения в поколения материальные артефакты – тексты – это культура. И символы, представленные в духовной жизни того или иного общества, тоже культура. Символ (от др. греч. *symbolon* – условный знак, признак) – чувственно воспринимаемый предмет, замещающий некий другой предмет. Белорусский ученый-лингвист В.А. Маслова говорит о признаках символа следующее: «Можно выделить целый ряд признаков символа: образность (иконичность), мотивированность, комплексность содержания, многозначность, расплывчатость границ значений в символе, архетипичность символа, его универсальность в отдельно взятой культуре, пересечение символов в разных культурах, национально-культурную специфичность целого ряда символов, встроенность символа в миф и архетип» (Маслова 2014: 122). Культурные символы практически не возникают в настоящем. В основном, это достояние или знаки из прошлого социального опыта. Приведем общеизвестный пример с речевым проявлением такого символа, как сердце, которое из века в век символизирует источник чувств от переживаний (горя) до радости (любви). Так, изображение пронзенного стрелой сердца – это двойственность внутреннего мира человека, охваченного этим великим чувством, где присутствует и безграничная любовь, и невероятные страдания и боль. Отсюда фразеологизмы сердце болит, сердце ноет, сердце поет, сердце кровью обливается и т.п. Свою «национальность» имеют и такие символические понятия, как, например, традиции народа и его обряды. У русских символом накопительства является Плюшкин, лени – Емеля из русских сказок или Обломов. Вот что об этом пишет

Ю.М. Лотман: «Наиболее привычное представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного содержания» (Лотман 1996: 147). Значит, имя тоже может быть материальным элементом замены некой реальности. Особенно наглядно такую трансформацию можно увидеть на примере объекта «крест». В выражениях *нести свой крест*, *крестные муки* реальность не является символом. А вот крест как страдание, жертвенность, небо и земля, смерть и жизнь он приобретает символическое значение в этих выражениях (как и крест, используемый во время молитвы, связан с верой в Бога и его распятого на этом самом кресте Сына).

6. Неразрывность изучения понятий. Диахронический срез языка позволяет современным носителям языковой картины мира увидеть артефакты и аксиологемы, выработанные в народе в каждом историческом периоде и представленные в культуре. Это соотносится с мнением И.И. Срезневского, утверждающего, что «народ и язык один без другого представлен быть не может. Судьба слов позволяет проследить систему представлений о мире, понятий, жизненных установок, правил, законов, по которым народ жил. Это изучение обнаружит связи, ранее не предвиденные, помогая объяснить природу духа и поведения народа» (Срезневский 2007). Например, фразеологизм *нежданный гость хуже татарина* открывает нам и историю русского народа, и его отношение к татарам, и определенные стереотипы в бытовом поведении. Таким образом, такой подход к изучению культурно-исторических языковых реалий позволяет проследить все составляющие формирования духовных понятий и самой духовности, а также непредметный, эмоциональный мир народа.

Ценностные представления – это восприятие реальности в определенном модусе, это жизненные интересы, переключенные на язык чувств и образов, мыслей, понятий, суждений. Ценностные представления человека не только являются основанием для оценки сущего, но и направляют его на определенные действия, на те или иные поступки, которые в системе ценностей конкретного человека представляются ему важными и необходимыми. Глобальные проблемы современной цивилизации усиливают значение теории ценностей, поскольку в жизни современного поколения все большее значение получают философские категории жизни, мира, человека. Относительность (изменчивость и подвижность) ценностей и оценок обусловлена не столько объективными свойствами предметов, сколько именно гибкостью, подвижностью, изменчивостью индивидуальных и общественных потребностей. Из-за этого при известных условиях предмет способен утратить ценность в глазах народа. Эксперимент, проведенный нами с белорусскими школьниками, показывает

подвижность ценностей, изменение их иерархии. Научно-пропагандистская литература утверждает, что главные ценности белоруса – бескорыстие, коллективизм, «памяркоўнасць» (рассудительность), патриотизм. В проводимом эксперименте 50 испытуемым – обучающимся в 11-м классе – был дан список из 30 ценностей и предлагалось подчеркнуть 3 из них, которые более всего хотелось бы иметь ему самому, и 3 слова, наиболее подходящих к белорусам вообще. На первом месте в их ответах были – материальное благополучие (собственное), в то же время стремление к богатству находилось чуть ли не на последнем месте. Не чужд и индивидуализм: 70% реципиентов считают личные интересы главными для человека. Важное место в иерархии ценностей занимает патриотизм. Эти данные поставили перед нами вопрос отбора ценностей для организации учебно-воспитательного процесса по русскому языку в учреждениях образования Республики Беларусь для социокультурного развития молодежи. Какие же ценности следует отобрать как ядерные, важнейшие для формирования полноценной личности?

Рассматривая критерии отбора ценностей для исследования, В.И. Карасик в монографии «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» вводит понятие номинативной плотности: «Важным объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества является понятие номинативной плотности, то есть детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» (Карасик 2002: 133). Однако Г.Г. Слышкин отмечает: «Характеристика актуальности лингвокультурного концепта, основанная на признаке номинативной плотности, будет заведомо неполной... Метафорическая диффузность является для исследователя не менее значимой характеристикой концепта, чем номинативная плотность» (Слышкин 2004: 52–55). Е.В. Бабаева предлагает учитывать сведения из других наук при отборе ценностей для исследования: «Выбор ценностей для лингвоконцептологического рассмотрения может определяться параметрами ценностного измерения культур, разработанными в социологии и этнопсихологии» (Бабаева 2004: 115).

Ценности определяются многими факторами: социальным и экономическим положением, процессами духовной жизни, в силу чего они образуют особые системы в каждой из сфер социокультурной жизни людей. Поэтому можно говорить о специфических ценностях в разных сферах жизнедеятельности человека: в сфере науки – интеллектуальные ценности, в сфере политики – политические, в обыденной жизни – моральные и нравственные.

Мы выделяем материальные, социальные и духовные ценности. Они, в свою очередь, могут быть общечеловеческими, национальными (этническими),

групповыми и индивидуальными. Любая система ценностей – это шкала предпочтений, в которой объекты соответствующим образом упорядочены. Она объективно не может быть одинакова у разных членов общества, у разных культур, у разных наций. Одни и те же идеи, представления, символы могут занимать высокое положение в системе ценностей одних людей или культур, среднее – у других сообществ, не входить в систему ценностей – у третьих, являться антиценностью, негативной ценностью – у четвертых. (Арнольдс 1987: 22).

Конечный список ценностей, видимо, объективно невозможен. Но определить наиболее значимые ценности внутри отдельной культуры – вполне решаемая задача. Важнейшую часть основных ценностей любой культуры составляют ключевые слова, которые составляют ее ценностные доминанты и специфику менталитета. Ключевые слова культуры – это «сгусток» эмоциональности, насыщенности ассоциативного поля. Например, для русского языкового сознания значимыми являются ключевые слова *правда, добро, судьба, справедливость, воля, тоска и удаля* (Т.А. Булыгина, Д.Н. Шмелев, Ю.С. Степанов), для американского – свобода, частная собственность, деньги, богатство, равенство возможностей и конкуренция, демократия, справедливость, религия, семья, независимость, реклама, супермаркет, высокий жизненный уровень, машины (Тер-Минасова 2000).

Предварительный анализ философских, социологических, психологических, культурологических работ о ценностях позволил взять за основу следующую их номенклатуру: патриотизм, процветание, практичность, наука, правосудие, комфорт, свобода личности, демократия, прогресс, богатство, конформизм, эффективность, законность, развитие, стабильность, бедность, беззаконие, неудача, одиночество, безопасность, религиозность, власть, долг, достаток, здоровье, любовь, независимость, образование, равенство, родина, свобода, семья, справедливость, творчество, труд, удовольствие, успех. Для каждого народа существует иерархически организованный набор ценностей, которые частично могут повторяться в иных культурах, но в иной конфигурации. По признаку преобладания в них положительного элемента образуется «иерархия ценностей». Ценности и статичны, и подвижны одновременно. Хотя современный человек отличается определенной «эластичностью» морали и совести, но основные ценности культуры все же неизменны.

Понятие ценности отражает и сам факт возникновения ценностного отношения между предметом и потребностью в нем, оно тесно связано с оценкой. Основные ценности относительны, варьируются в зависимости от времени и других параметров. Однако, даже несмотря на ломку экономических и социальных устоев, представления народа о добре и зле, правде

и кривде остались в основном прежними: в них много наивного, идеализированного, книжного. В XX веке воспевались товарищество, честный труд, чистая любовь, трудовая семья, любовь к Родине и т.д. Это христианские ценности, умело трансформированные советской властью. Сейчас – погоня за долларом, за удовольствиями без границ, за чрезмерное потребление, успех любой ценой, насилие и т.д. Тем не менее в качестве основных ценностей белорусского лингвосоциума выделяют такие, как любовь к малой родине; трудолюбие; взаимопомощь («талака»); толерантность; неприятие крайностей и конфликтов. Данные аксиологические приоритеты определяют следующие особенности национального характера: миролюбие, покладистость, неагрессивность, склонность к согласию и поиску компромиссов. Белорусская культура базируется на ценностных принципах взаимопомощи ближнему, отрицания немотивированного насилия, разумной достаточности, минимализма требований к жизни. В белорусской культуре так же, как и в русской и ряде европейских осуждаются пьянство, воровство, хитрость. Есть ценности, которые организуют в целостную систему сущностные ценности культуры. Они – базисные структуры социума, как бы ДНК социальной жизни. Именно они определяют, какие «знания, верования, ценностные ориентации, целевые установки, образцы деятельности и поведения будут преимущественно регулировать поведение, общение и деятельность людей, формировать их социальную жизнь» (Степин 2006: 18).

Именно такие ценности мы и предлагаем прививать учащимся 5–11-х классов далее в своей работе. Это, прежде всего, трудолюбие / труд, скромность, дружба, сочувствие, соборность, любовь к малой родине. Именно они, как представляется, и заключают в себе главную и основную массу ценностных ориентаций культуры. Именно их следует брать за основу, вырабатывая определенные ценностные ориентации у школьников.

В данной статье мы изложили основные положения национально-культурного подхода, разделяемые многими современными лингвистами, которые считают необходимым обратить внимание на культурологическое изучение языка. Мы убеждены, что в современном мире, в современной школе русский язык должен изучаться не только в традиционной классической парадигме, но и в аспекте культуры носителей того иного языка, поскольку настоящее достойное социокультурное развитие наших школьников – залог их мирного будущего, знание своей истории, уважение к своим корням – это путь к взаимному уважению и пониманию культур и традиций разных наций, а значит, путь к образованию, добрососедству, миру.

Литература

- Арнольдов А. (1987): *Теория культуры: историзм и вопросы методологии (Вместо введения)*. «Культура, человек и картина мира». Москва, с. 5–27.
- Бабаева Е. (2004): *Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах*. Волгоград, 228 с.
- Вайсгербер Й. (1993): *Родной язык и формирование духа*. Москва, 223 с.
- Гумбольдт В. (1985): *Язык и философия культуры*. Москва, 448 с.
- Карасик В. (2002): *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград, 477 с.
- Лотман Ю. (1996): *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. Москва, 464 с.
- Маслова В. (2014): *Homolingualis в культуре*. Витебск, 187 с.
- Слышкин Г. (2004): *Лингвокультурные концепты и метаконцепты*. Волгоград, 260 с.
- Срезневский И. (2007): *Мысли об истории русского языка. Серия: История языков народов Европы*. Москва, 136 с.
- Степин В. (2006): *Философия и система цивилизационных перемен*. «Вопросы философии». №2, с. 16–26.
- Тер-Минасова С. (2000): *Язык и межкультурная коммуникация*. Москва, 624 с.
- Уорф Б. (1960): *Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление)*. «Новое в зарубежной лингвистике». Вып. 1, с. 169–183.
- Хайдеггер М. (1991): *Искусство и пространство*. «Самосознание Европейской культуры XX века». Москва, с. 95–102.

Summary

It is proved that the national-cultural heritage is one of the most important factors in-students' social and cultural development at the lessons of the Russian language. This article outlines the main statements and conclusions of the national-cultural research shared by many modern linguists who consider it necessary to draw attention to the cultural studies of language.